

Касаткина Ксения Вадимовна

ИУДА ИСКАРИОТ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА КАК "ПОДПОЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК" СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

В статье делается попытка выявить глубинное родство таких литературных героев как Подпольный человек Ф. М. Достоевского и Иуда Искариот Л. Н. Андреева. Особое внимание уделяется следующим аспектам личности этих героев: гордости и самоуничтожению, наслаждению стыдом, усиленному сознанию, отношению к окружающим, тяге к власти и самоутверждению. На основании этих сходств можно сделать вывод, что оба этих героя принадлежат к одному и тому же литературному типу "подпольного человека".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/26.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. II. С. 100-102. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. **Алексеев М. Е., Шейхов Э. М.** Лезгинский язык. М.: Академия, 1997. 136 с.
2. **Гайдаров Р. И.** О некоторых исторически значимых особенностях диалектов в области склонения // Падежный состав и система склонения в лезгинских языках: сборник статей. Махачкала: Изд-во ДГУ, 1987. С. 128-132.
3. **Гюльмагомедов А. Г.** О «сложном глаголе» лезгинского языка // Материалы 6-й региональной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Майкоп: Изд-во Адыгнаиздат, 1980. С. 135-142.
4. **Жирков Л. И.** Грамматика лезгинского языка. Махачкала: Дагучпедгиз, 1941. 131 с.
5. **Ибрагимов Г. Х.** Рутульский язык. Махачкала: Народы Дагестана, 2004. 308 с.
6. **Мейланова У. А.** Функции эргативного падежа в лезгинском языке // Труды Института языкознания АН СССР. М.: Изд. АН СССР, 1954. Т. 3. С. 250-257.
7. **Талибов Б. Б.** Грамматический очерк лезгинского языка. Махачкала: Советская энциклопедия, 1966. 604 с.
8. **Топуриа Г. В.** К вопросу об образовании повелительного наклонения в лезгинском языке // Сообщения Академии наук Грузинской ССР. Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1957. Т. 18. № 3. С. 363-368.
9. **Топуриа Г. В.** Основные морфологические категории лезгинского глагола (По данным кюринского и ахтынского диалектов). Тбилиси: Изд-во АН Груз. ССР, 1959. 137 с.

SPECIFICS OF THE VERB OF THE KURUSH DIALECT OF THE LEZGHIN LANGUAGE

Kazimova Al'bina Maidulakhovna
 Daghestan State Pedagogical University
 a.cazimowa@yandex.ru

The article touches on the specifics of the verb of the Kurush dialect of the Lezghin language. The paper covers the following phenomena: the negative forms of the verb often interpreted in the special literature as a negative mood are formed in the Kurush dialect by the addition of the appropriate negation suffixes *-u*, *-uuñ* instead of *-ch*, *-chup* of the literary language; original formation of the past adverbial participles which are not observed in any other dialect unit of the Lezghin language; development of a specific form of past participles from the compound verbs.

Key words and phrases: the Kurush dialect; the Lezghin language; monoconsonantism; negative forms of the verb; original formation of adverbial participles; development of a specific form of participles; thematic vowel (determinant).

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье делается попытка выявить глубинное родство таких литературных героев как Подпольный человек Ф. М. Достоевского и Иуда Искариот Л. Н. Андреева. Особое внимание уделяется следующим аспектам личности этих героев: гордости и самоуничижению, наслаждению стыдом, усиленному сознанию, отношению к окружающим, тяге к власти и самоутверждению. На основании этих сходств можно сделать вывод, что оба этих героя принадлежат к одному и тому же литературному типу «подпольного человека».

Ключевые слова и фразы: подпольный человек; подполье; «Записки из подполья»; Ф. М. Достоевский; Иуда Искариот; Л. Н. Андреев.

Касаткина Ксения Вадимовна

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
 kasatkak@mail.ru

**ИУДА ИСКАРИОТ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА
 КАК «ПОДПОЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК» СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА[©]**

Как известно, на рубеже XIX-XX вв. в русской литературной и философской мысли произошло новое открытие Достоевского. Н. А. Бердяев, Д. С. Мережковский, В. В. Розанов, Л. И. Шестов и многие другие выдающиеся умы Серебряного века не раз обращались к произведениям своего великого предшественника, заново осмысляя и наполняя их собственным содержанием. Одновременно для литературы рубежа веков, с ее чертами декаданса и модернизма, приобретает особую актуальность центральный для творчества Достоевского «подпольный тип». «Запискам из подполья» еще только предстояло пережить новое рождение в литературе экзистенциализма, однако, отголоски этой повести по-своему проявились в произведениях одного из самых ярких и своеобразных писателей Серебряного века – Леонида Андреева. Наиболее полно образ «подпольного человека» воплотился в главном герое повести Андреева «Иуда Искариот» (1907 г.) Чтобы доказать глубинное родство андреевского Иуды с Подпольным человеком Достоевского, попробуем сопоставить психологические и поведенческие особенности этих героев.

На их явное сходство указывал еще И. Ф. Анненский в «Книгах отражений»: «*Когда Иуда мечтает о дружбе с лучшими и высшими и под покровом ночи надрывается над своей отвергнутой любовью, не вспоминаются ли вам, и с особой назойливостью даже, опять-таки выстрадавшие Достоевским идиллические и всхлипывающие мечтанья его замухрышки, размякшего бессонной ночью в жарком одиночестве своего подполья?*» [2, с. 149].

Прежде всего необходимо отметить, что у обоих героев с самого начала повествования не складываются отношения с окружающими людьми, их обоих отличает противоречивое стремление, с одной стороны, продемонстрировать окружающим свою исключительность и непохожесть, а с другой, мучительное желание преодолеть свою разьединенность с миром; оба в глубине души жаждут любви и признания людей. Парадоксалист, испытывая ненависть и презрение к приятелям, в то же время навязчиво требует их внимания, ведет себя эксцентрично и провокационно, в тайне лелея надежду понравиться и заслужить их уважение: «... в самом сильнейшем пароксизме трусливой лихорадки мне мечталось одержать верх, победить, увлечь, заставить их полюбить себя – ну хоть — а возвышенность мыслей и несомненное остроумие» [4, с. 141].

Иуда Искариот еще более маргинален по отношению к окружающим. Повсюду его сопровождает дурная слава – этому он во многом обязан своей необычайной уродливости. Все кроме Христа, сразу, еще до знакомства, отвергают Иуду, считая «что такой человек не может принести добра...» [1, с. 249]. Однако героя словно бы устраивает такое положение вещей. Он специально старается усилить неприятное впечатление от собственной внешности постоянным кривлянием, явным враньем, необъяснимой злобой, юродством, ведя себя так же, как Подпольный человек, *намеренно провокационно*. Например, Иуда провоцирует град насмешек неожиданными претензиями на красоту:

– «... я, благородный, прекрасный Иуда плетусь сзади, как грязный раб, которому не место рядом с господином.

– Почему ты называешь себя прекрасным? – удивился Фома.

– Потому что я красив, – убежденно ответил Иуда...» [Там же, с. 253].

Искариот так же, как и Парадоксалист, рассказывает всем о своих недостатках независимо от того, хотят ли его слушать. К нему в полной мере применимо все то, что писал М. М. Бахтин о Подпольном человеке, рассуждая о роли *другого* в речевом поведении героя [3, глава «Слово у Достоевского»]. Иуда стремится предвосхитить отрицательную оценку другого, он как бы говорит: на самом деле я еще хуже, чем вы думаете. Стремление к юродству и самоуничтожению доходит даже до того, что Искариот уверяет всех, будто рожден от козла, и ради забавы очерняет собственную мать. Подобное очернение себя мотивировано тем же, что и у Парадоксалиста: герой стремится выглядеть самым подлым и безобразным из всех, чтобы этим отличаться от окружающих и противопоставить себя социуму. Они оба рассчитывают на то, что их шокирующая откровенность (стремление нравственно «заголиться и обнажиться») наряду с возмущением вызовет и подспудное восхищение окружающих.

Таким образом, с одной стороны, Искариот сам демонстративно отталкивает людей в ответ на их враждебность к нему: он презирает глупость окружающих, смеется над их ограниченностью и трусостью. С другой стороны, как и в случае с Подпольным человеком, мнение *другого* очень значимо для Иуды. Так, необычайное тщеславие Искариота заставляет его вступать в изнурительное соревнование по бросанию камней с горы с самым сильным из учеников Христа – Петром. Подпольная парадоксальность характера Иуды заключается в том, что, юродствуя и провоцируя окружающих, он все равно страдает от их нелюбви и невнимания: «*И в скором времени вышло так, что все они тесною кучкою шли впереди, а Иуда – Иуда-победитель, Иуда сильный – один плелся сзади, глотая пыль <...> и никто не вспомнил об Иуде*» [1, с. 258]. Описанное состояние героя весьма сходно с самочувствием Парадоксалиста на банкете, когда тот, оттолкнув от себя приятелей, начинает страдать от их невнимания.

Но особенно сильно Искариот жаждет любви Христа (хоть и порой он делает все, чтобы навлечь на себя гнев Иисуса: ворует, лжет, злословит, хвастается). Он всячески окружает Иисуса заботой: собирает цветы среди камней, чтобы порадовать учителя, покупает дорогое миро, амбру и вино, приносит Иисусу маленьких детей, которых он так любит. Чего же добивается Искариот? Какой цели служат то его постоянные кривляние и самоуничтожение, то иступленная забота о Христе?

На наш взгляд, Иуду, как и Подпольного человека, можно назвать героем-идеологом. «Идея» таких героев заключается в некоем навязчивом стремлении, которое зачастую оборачивается почти религиозным фанатизмом. Эти «идеи» являются следствием психологического и метафизического унижения, которое испытывает герой. В плане психологии унижение проявляется в пренебрежении людей, недооценивающих Подпольного человека, а в метафизическом плане Подпольный человек мучается от унижения Богом или природой, которые создали его смертным и поэтому ничтожным перед величием Вселенной.

«Идея» Парадоксалиста лежит в плоскости полемики с так называемой теорией «разумного эгоизма» и сводится к попытке утвердить свое право на «самостоятельное хотение»; «идея» же Искариота в том, чтобы стать любимым учеником Иисуса. Иуда убежден, что именно он – лучший и достойнейший из приближенных учителя. Об этом Искариот неожиданно заявляет, когда ученики Христа просят разрешить их спор о том, кого Иисус любит больше: Петра или Ивана: «*И, тихо бия себя в грудь костлявым пальцем, Искариот повторил торжественно и строго:*

– Я! Я буду возле Иисуса!» [Там же, с. 267].

Аналогия с «подпольными» людьми очевидна: Иисус – бог, а Иуда хочет быть первым после бога, а значит лучшим, главнейшим из смертных – именно то, чего внутренне жаждет и Парадоксалист. Следуя

парадоксальной, «подпольной» логике, Искарriot приходит к убеждению, что для того чтобы доказать Иисусу свою любовь – он должен убить его. Иуда хочет показать Иисусу, что вся хваленая преданность его учеников ничего не стоит перед лицом настоящей опасности и что по-настоящему предан Учителю только он, Иуда.

В предательстве Иуды воплощается «подпольное» желание проявить высшее своеволие, почувствовать, что держишь жизнь дорогого человека в своих руках. И ради этого «подпольному человеку» Иуде не жаль самой жизни: стремление утвердить право силы важнее жизни самого близкого человека. Это высшая степень того, о чем писал Парадоксалист: о праве человека пожелать себе (и другим) вредного, о том, что наиболее нерациональное, «вредное хотение» и есть самое сильное.

В этом желании «вредного» Иуду и Парадоксалиста роднит еще и *наслаждение*, получаемое от страданий своих и другого человека, упоение собственным стыдом и низостью падения. Вспомним какую богатую гамму ощущений испытывает Парадоксалист, издеваясь над Лизой, терзая ее картинами безрадостного будущего, давая и отнимая надежду на новую жизнь. Мучая Лизу и одновременно мучаясь сам, герой испытывает сладострастное удовольствие, в котором унижение и самоунижение сплетаются в причудливый невротический клубок. В повести Андреева страдания Христа, которого избивают солдаты, отзываются болью в теле Иуды, но, в то же время, он словно наслаждается этим зрелищем: «Поднялся сильный хохот, и Иуда также улыбнулся – точно чья-то сильная рука железными пальцами разодрала ему рот» [Там же, с. 287].

Предвкушение болезненного наслаждения от казни учителя проявляется, например, в сцене мелочной торговли за жизнь Иисуса с первосвященником Анной: «Тридцать серебряников! Ведь это одного обола не выходит за каплю крови! Половины обола не выходит за слезу! Четверть обола за стон! А крики! А судороги! А за то, чтобы его сердце остановилось? А за то, чтобы закрылись его глаза? Это даром?» [Там же, с. 271]. Цинизм Искарriота в этой сцене сопоставим с цинизмом Парадоксалиста, который с наслаждением высмеивает сквозь слезы самое дорогое, что у него есть: идеалы своей молодости, свои юношеские мечты. «Подпольным» людям доставляет удовольствие унижать в самих себе самое сокровенное, они охотно топчут то, чем дорожат больше всего на свете. Эти психологические особенности связаны со склонностью к постоянной рефлексии, которая превращает ценностную систему Подпольного человека в подобие зыбкого болота, где нет ничего устойчивого, все переменчиво, непрочно. Иуда, по Леониду Андрееву, – самый мыслящий из учеников Христа. То, что остальные принимают за аксиому, Искарriot подвергает сомнению и переосмысливает. Именно поэтому Иуда сближается с самым недоверчивым из учеников Иисуса – Фомой. Но мысль Фомы тяжела и неповоротлива, она не может разрешить вопросы, которые он задает себе; Фома – созерцатель, а Иуда – философ. Рефлексия Искарriота столь же мучительна, как и «усиленное сознание» Парадоксалиста.

На близость Иуды Искарriота к «подпольным» героям Достоевского указывают и жанровые особенности повести: хотя это не рассказ от первого лица, как «Записки из подполья» Достоевского, но и не отстраненно-авторское повествование, так как голос автора часто сливается с голосом Иуды. Мысли Искарriота приводятся без кавычек; рассказчик то отстраняется от героя и смотрит на него со стороны, то, как будто, передает ему слово.

Таким образом, в андреевской повести «подпольный человек» как бы погружается в контекст мифа, тем самым оказываясь оторванным от конкретно-бытовых реалий 60-х гг. XIX в., что, на наш взгляд, заостряет психологические особенности «подпольного» типа, помогая глубже проникнуть в сложную и парадоксальную философию «подполья». Можно сделать вывод, что в образе Иуды Искарriота в полной мере воплощается литературный тип, открытый Достоевским. Кроме того, Л. Н. Андреев привносит в образ «подпольного героя» качества, востребованные литературой начала XX века: ницшеанскую гордость сверхчеловека, проблему свободы воли, ощущение вселенского одиночества в мире без Бога, эстетическую притягательность зла, фатальную неразрешимость экзистенциальных вопросов – то есть все те аспекты творчества Достоевского, которые привлекли наибольшее внимание философов и писателей Серебряного века.

Список литературы

1. Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6-ти т. М.: Книжный клуб Книговек, 2012. Т. 2. 618 с.
2. Анненский И. Ф. Книги отражений // Анненский. М.: Наука, 1979. 679 с.
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7-ми т. М.: Русские словари, 2002. Т. 6. 799 с.
4. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1973. Т. 5. 405 с.

JUDAS ISCARIOT BY LEONID ANDREYEV AS “UNDERGROUND PERSON” OF SILVER AGE

Kasatkina Kseniya Vadimovna
Lomonosov Moscow State University
kasatkak@mail.ru

In the article the attempt is undertaken to reveal the deep relationship of such literary heroes as Underground Person by F. M. Dostoyevsky and Judas Iscariot by L. N. Andreyev. Special attention is given to the following aspects of these heroes' personalities: attitude towards other people, thirst for power and self-affirmation. On the basis of these similarities it is possible to conclude that both these heroes belong to one and the same literary type of “underground person”.

Key words and phrases: underground person; the underground; “Notes from Underground”; F. M. Dostoyevsky; Judas Iscariot; L. N. Andreyev.